

Д. А. Чернокальцев

МОИ ЛЮБИМЫЕ ПОКОЙНИКИ

Истории
о борьбе
с привидениями
в судебном
порядке

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Андреевич Чернокальцев
Мои любимые покойники.
Истории о борьбе
с привидениями в
судебном порядке

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69842536
SelfPub; 2023*

Аннотация

Сборник рассказов о юридических казусах, которые возникают, когда в судебных делах участником становится призрак, привидение или умерший человек. Покойники в этой книге ведут себя очень активно – дают показания, рассматривают судебные дела, дарят квартиры и открывают банковские счета. Помогают им в этом таинственные личности, у которых есть соответствующие способности. В запутанных вопросах и детективных историях разбирается главный герой – адвокат и специалист по борьбе с привидениями в судебном порядке. Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	4
Сфинкс против призрака	6
Беспокойный покойник	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дмитрий Чернокальцев

Мои любимые покойники.

Истории о борьбе с привидениями в судебном порядке

Сборник рассказов о юридических казусах, которые возникают, когда в судебных делах участником становится призрак, привидение или умерший человек. Покойники в этой книге ведут себя очень активно – дают показания, рассматривают судебные дела, дарят квартиры и открывают банковские счета. В этих запутанных вопросах и детективных историях разбирается главный герой – адвокат и специалист по борьбе с привидениями в судебном порядке.

Для широкого круга читателей

Предисловие

Я всю жизнь живу в этом Городе и знаю его очень хорошо. Я знаю, что Яков Брюс до сих пор кормит своих грифонов

в самом сердце Города. Я знаю, что неугомонный Павел по ночам одиноко марширует по внутреннему дворику Михайловского замка.

Я знаю, что если прислушаться, то можно услышать гул печей крематориев в Парке Победы или шорох тысяч крысиных лап по Московскому проспекту.

Я знаю, что Сфинксы стерегут невские волны, отпугивая всякую нечисть, которая пытается выбраться на набережную с Благовещенского моста.

Я знаю, что парадные фасады центральных улиц нашего Города не дают разглядеть тьму, которая прячется в узких арках и проходных дворах-колодцах.

Сфинкс против призрака

как юристы изгоняли привидение из зала суда

Пролог

Поверьте мне на слово: если вам придет в голову погулять в лабиринтах дворов Центрального района, то будьте готовы к тому, что время и пространство могут локально свернуться и привести вас из двора-колодца на Садовой в среду лета 2023 года в пятницу 1965 на Лиговке или в воскресенье 1949 на Шпалерной.

Такое случается и в более спокойных местах, а уж в Городе, который почти потерял своих жителей, три раза менял название, пережил мятежи, революции, войны, был изуродован изуверскими бомбежками и еще больше бездумной реставрацией, может случиться и не такое. Изворотливая нечисть пролезает между лап Сфинксов и шныряет по Городу, ища, чем поживиться.

Днем Город бесстрастно взирает на жителей и гостей, вечером – расслабленно раскидывает свои руки по спинам скамеек в парках или по столикам ресторанчиков. Перед сном он подбирается, отряхивается и выходит на прогулку.

Днем может быть сонным, тревожным, крикливым, пафосным и даже несносным, а по ночам Город прекрасен. Пустынные улицы, на которых гулко отдаются шаги прохожих, шорох шин редких автомобилей. На грани видимости мелькают серые тени петербургских призраков.

Я люблю гулять по Городу по ночам. Бывает, просто так выбираюсь вечером на Васильевский остров и начинаю бесцельно фланировать от Горного института к Стрелке. Улицы пустеют, а я иду по набережной, пересекаю линии Острова в положенных и неположенных местах, любуюсь мощью ледокола Красина, белоснежными лайнерами, пришвартовавшимися на Английской набережной. Обязательно остановлюсь у подводной лодки С-189.

Дойдя до Сфинксов, я сажусь на гранитные ступени и сочувственно смотрю на правого сфинкса, совершенство которого было нарушено осколком. Время не щадит никого. Рушатся города, рассыпаются государства, материки сдвигаются с места и только Сфинксы стоят недвижимо, молча глядя в Вечность.

Проходит ночь – пора уезжать домой, чтобы утром погрузиться в бесконечную череду дел и делишек, нервотрепку и сутолоку судебных коридоров, напряженную строгость залов судебных заседаний.

Представитель ответчика

Для меня эта история началась, когда я бродил по набережной Волги в городе Рыбинск. Только что закончился судебный процесс, осталось дожидаться вечернего поезда, чтобы вернуться домой. Все местные рестораны были проверены на предмет пищи и выпивки, краеведческий музей, который порадовал славной историей города, посещен, а свидание с Рыбинском все никак не заканчивалось. Я болтался по городку, как бумажный кораблик в весеннее половодье.

Когда мысль о том, что этот день никогда не кончится, была мною принята, позвонила помощница: «Дмитрий Андреевич», – пропищала она в трубку, – «снимите меня с этого дела: он какой-то странный!» Зарина ходила в арбитраж по простенькому делу. Все документы были подписаны, акт выполненных работ передан заказчику, подписи на нем не было, но и возражений тоже, так что сложностей это дело не должно было вызывать, и я рассчитывал, что мы разберемся с ним за одно заседание. «Кто, что?», – не понял я. «Да представитель у ответчиков. Он какой-то ну очень странный! Да и судья как каменная. Можно я этим делом больше не буду заниматься?». «Можно, – вздохнул я. – Когда следующее заседание?»

Мы встретились с представителем ответчика через неделю – сразу стало понятно, что так удивило Зарину. Моло-

дой человек был экстравагантен: одетый в клетчатую тройку с шейным платком, с безупречным пробором и зализанным на бок длинными жидкими волосами, он напоминал породистого английского сеттера. Лицо у него было вытянутое. Глаза серые. Разговаривая, он смотрел чуть поверх головы, от чего его гладковыбритый холеный подбородок приподнимался и лицо приобретало благородные черты. Да, про такие лица говорят – породистые. Молодой человек искренне и артистично изображал из себя дворянина начала 19 века, который неожиданно для самого себя оказался в 21 веке, но не смешался с культурной средой, сохранив стиль и язык своей эпохи.

Разговаривал он соответствующе – слегка в нос, великосветскими интонациями: «Позвольте с вами не согласиться», «Я буду бесконечно признателен, если вы соизволите уделить несколько минут своего драгоценного времени, дабы мы могли приватно обсудить возникшее недоразумение», «Видите, милостивый государь, мое скромное разумение...» и так далее. Вести беседу с человеком, который говорит на языке высшего общества 19 века, крайне утомительное занятие, потому что слишком много усилий тратится на то, чтобы понять, что пытается до тебя донести этот псевдодворянин. В тоже время мне не хотелось демонстрировать, что такая манера вести беседу меня утомляет. Я вспомнил лучшие произведения из школьного курса, адаптировался и через несколько минут поддерживал деловой разговор в вели-

косветском стиле.

Конечно, такой стиль общения – это заурядная манипуляция, попытка замусорить сознание собеседника непривычными оборотами, показать свое интеллектуальное превосходство. Потом, когда собеседник окончательно одуреет, можно получить желаемое.

«Интересно, он пукает тоже «благородно», благоухая, или как мы, смерды?», – думалось мне при рассматривании этого уникального экспоната, выделяющегося из пестрой массы фриков-арбитражников.

Когда я принял навязанную мне манеру говорить, наш диалог потек неожиданно легко. Мой собеседник явно удивился, даже попытался перейти на «нормальный русский», но тут я не дал ему свернуть с выбранной дороги. Мне требовались драгоценные секунды, чтобы подбирать великосветские обороты, и это не мешало держать в фокусе суть беседы. Представитель ответчика оборотисто и завуалировано старался вывести мою позицию относительно перспектив дела. Я со своей стороны не менее витиевато уповал на скорый и справедливый суд, вверяя судьбу нашего небольшого спора в руки правосудия. На том и расстались.

Знакомство со Сфинксом

Фамилия судьи, которая вела процесс, мне ничего не го-

ворила, но, когда я вошел в зал, по моей спине пробежал холодок. С судейской кафедры на меня смотрел Сфинкс. Оживший Сфинкс из плоти и крови, одетый в мантию. Лицо судьи было неподвижно и прекрасно, карие глаза смотрели прямо вперед и почти не шевелились. Мне показалось, что она даже не моргает и практически не дышит. Секретарь судьи завела нас в зал, забрала паспорта и доверенности, после чего Сфинкс заговорил. Это был голос ниоткуда и отовсюду.

Чеканные судейские вопросы о наличии отводов и заявлений, казалось, сами возникали в голове. Губы у судьи почти не двигались, но голос был сильный и глубокий. Мне уже начинали мерещиться Сфинксы, Благовещенский мост, а потом и подножия пирамид в Гизе.

Усилием воли я скинул морок, раскрыл папку с документами и только собрался заявить свои доводы, как великосветский пришелец меня удивил. Из недр его благородного портфеля возник документ с печатью. На документе значилось, что некий третейский суд назначает заседание по исковому заявлению, которое подано моим клиентом и связано с текущим спором. Сфинкс в мантии подняла правую бровь и перевела взгляд на меня.

Вынужден дать небольшое пояснение. Третейские суды не являются государственными. Это так называемый «суд джентльменов», когда спорщики сами выбирают авторитетного арбитра и подчиняются его решению. Это такая альтер-

нативная система разрешения гражданских споров. Лет десять назад третейские суды мог создавать кто угодно, и они плодились как грибы после радиоактивного дождя. Да что говорить, я тоже числился третейским судьей в нескольких таких судах и, кажется, до сих пор состою в списке Рижского третейского суда. Но даже то, что третейские суды были не государственными, не делало их решения декларативными. Заинтересованная сторона могла (как может и сейчас) получить в государственном суде исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда. Чтобы обратиться в третейский суд, стороны должны заключить специальное соглашение или включить в договор «третейскую оговорку», в которой они согласовывают, в какой из третейских судов они в случае чего будут обращаться.

При этом рассматриваться одновременно в третейском и в государственном суде один и тот же спор не мог. Его должен был рассмотреть тот суд, который принял дело первым. Если в государственном суде выяснялось, что у сторон есть соглашение о рассмотрении дела в третейском суде, то дело прекращалось. На юридическом языке это называется «оставлением иска без рассмотрения».

В моей ситуации это грозило существенной потерей времени. С учетом того, что основной гонорар был завязан на получении исполнительного листа по делу, я мог провиснуть с деньгами надолго. Да и самое неприятное было в том, что этот холеный хлыщ мог обставить меня как маленького

мальчика. Над моим носом был занесен сложенный для щелбана палец, и это ощущение было крайне неприятным.

Мне нужно было подскочить, начать сучить ножками и всячески проявлять свое раздражение по поводу такой откровенной фальсификации, но я сдержался. Присутствие Сфинкса и псевдодворянина требовало проявить выдержку. Конечно, мысленно я вскочил, защелкал пальцами и забегал кругами по кабинету.

Блуждая глазами по залу суда в поисках ответа на неожиданный выпад, я наткнулся на каменный взгляд судьи-Сфинкса и примерз к месту. «Мне требуется получить пояснения у клиента», – выдавил я из себя. Тело окаменело и отказывалось слушаться. Зато мой оппонент излучал гекалитры счастья и довольства. «Неделя», – прозвучал у меня в голове голос судьи-Сфинкса. «Осмелюсь ли я попросить побольше времени? – изогнулся в немыслимом поклоне дворянистый представитель ответчика. – По четвергам я помогаю сиророоткам». Слово «сиротки» он протянул, от чего и без того не радостное слово прозвучало еще жалостливее.

Судья посмотрела на него пристально и молча – тот ступешевался и сел на место. Заседание закрылось, секретарь суда замахала руками, выставляя нас из кабинета.

В осанке моего оппонента чувствовалось торжество. Он неспешно собрал бумаги со стола и удалился. Я прилагал титанические усилия, чтобы не сгребать документы в охапку, а аккуратно укладывать их в портфель. Пока возился, изоб-

ражая спокойствие, оппонент успел раствориться в коридоре суда.

Подделать определение третейского суда, чтобы снести рассмотрение дела, – это был очень креативный, неожиданный ход. Для меня вылет из дела по таким основаниям грозил поставить серьезное пятно на репутации, ну и, конечно, это были серьезные финансовые потери.

Еще клокоча от адреналина, я выскочил на Суворовский (арбитраж еще располагался в старом здании) и за несколько гигантских прыжков оказался в «Тамтаме».

Кафе «Тамтам»

Все юристы Санкт-Петербурга и те, кто хоть раз судился в старом здании нашего арбитражного суда, знают это кафе в створе Кавалергардской улицы и Суворовского проспекта. Там сходились все пути процессуальных оппонентов. За соседними столиками сидели признанные мэтры и начинающие арбитражники, банкротчики, корпоративщики, налоговики, хозяйственники, адвокаты, инхоумы, частнопрактикующие юристы. Кто-то громко, кто-то тихонько обсуждал свои победы и поражения или просто трепался на отвлеченные темы.

Посидев немного в уголке, потягивая кофе, можно было услышать лекцию по налогам, рассказ про тонкости морско-

го права, смешной юридический анекдот, байку, слезную историю и много всего, чем делятся юристы до и после заседаний. Сюда забежали после успешного процесса пропустить по стаканчику за удачу или выпить кофе со свежайшей выпечкой. Здесь встречались противники и миром заканчивали самые сложные и острые споры. В «Тамтаме» было весело и шумно. А потом арбитраж переехал на угол Смольной набережной и Смольной улицы. Сейчас до этого кафе добираются только истинные знатоки и ценители юридической барной географии Питера.

В тот день я влетел в «Тамтам», как разъяренный кот. Сходу заказав себе кофе, забился в самый дальний угол и стал осознавать ситуацию. Когда я немного отошел от испытанного потрясения и уже успел перемигнуться с симпатичной девушкой за соседним столиком, за мой стол обрушился Леша.

Высокий, худой, с кудрявой шевелюрой, широкими плечами легкоатлета, широчайшей улыбкой и ясными глазами, прекрасными манерами и громким голосом, Леша производил самое благоприятное впечатление на начальников, клиентов, судей, да и на любого из тех, кто с ним общался. Обязательный, обходительный, прекрасно эрудированный молодой человек был нарасхват. Веса и авторитета ему добавляла кандидатская диссертация. Вот только была ли она начата, уже написана или почти защищена – сказать сложно.

Леша вел семейные, арбитражные, трудовые, налоговые

дела, взыскивал долги, делил наследство, исключал участников и даже обращался в Конституционный суд. Его креативность и профессионализм знали все. И только я знал, что Леша балбес, категорически несерьезный и ненадежный товарищ, мастерски скрывающий свои промахи и невезение. Со мной он был почему-то откровенен и со смехом рассказывал про свои провалы и неудачи.

К примеру, как приехал к суду на первое утреннее заседание и решил вздремнуть, благо у него было в запасе минут 30. Леша не стал глушить машину, прижался лбом к рулю и сладко выпался. Судья успела провести три заседания, прежде чем тот проснулся и прибежал к залу.

Вот еще одна примечательная история, произошедшая с Лешей. Как-то раз приехав в Белгород подавать документы в суд, он, стоя на вокзале, решил достать папку с материалами дела, чтобы посмотреть адрес суда. Из папки выпорхнула квитанция об оплате пошлины и улетела вместе с отошедшим поездом. Другой бы пошел к кассам за обратным билетом, но только не Леша. Он спокойно докурил и позвонил клиенту, сообщив, что реквизиты суда неожиданно изменились и надо оплатить государственную пошлину по новой. Пошлину оплатили, прислали скан по почте, Леша нашел цветной принтер, распечатал платежку, спокойно сдал документы в суд, прекрасно поужинал и вечерним поездом убыл восвояси. Кстати, он умудрился вытрясти обратно из налоговой инспекции деньги, подтвержденные улетевшей вслед

за поездом квитанцией.

Но все косяки сходили ему с рук, потому что Леша виртуозно оправдывал или заглаживал свои провалы. Проспав заседание, он рассказал такую душещипательную историю клиенту про сломавшуюся на морозе машину, что тот еще подкинул ему денег на ремонт. Тем более заседания все равно отложили и не только потому, что Леша на них не был.

Примеров того, как тот попадал в нелепые ситуации и как он из них мастерски выпутывался, – масса. Когда-нибудь у меня дойдут руки написать подробнее про его проделки. Я назову эту книгу «Чародей идей» или как-нибудь еще позапихватское.

Леша выслушал мою историю и одобрительно хмыкнул:

– Классная фишка, надо запомнить. А почему бы тебе не сделать то же самое и не притащить копию определения о прекращении производства в этом третейском суде?

Леша был непревзойденный мастер воссозданных доказательств. Его еще ни разу не поймали на том, что документ, который он представил, – ненастоящий. Я подозреваю, что он вообще не заморачивается со сбором доказательств по делу, сразу делая удобные доказательства.

– Я про это думал, но тогда они будут настаивать на судебном запросе в этот странный суд и скорее всего его получат. Запрос вернется нераспечатанный или наоборот придет какая-то ересь, они опять попросят содействия суда и так до бесконечности. Либо судье это все надоест, и она оставит иск

без рассмотрения. Они же процесс тянут, а мне это не надо.

– И что будешь делать?

Вместо ответа я достал телефон, набрал Зарину и продиктовал ей текст заявления в полицию. Леша хмыкнул по новой.

– Бесперспективняк, – проговорил он самую юридическую скороговорку.

– Знаю, но в суд притащу поданное заявление и талон-уведомление. Это должно будет показать, что я ничего не знаю про этот призрачный суд.

– Призрак бродит по арбитражу, призрак третейского суда, – развеселился Леша. Ему бы только ржать. – Может, по одной? – предложил он.

– Не, одной не обойдется, а мне еще в полицию надо.

Примерно через час мы встретились с Зариной у РУВД Центрального района на Моисеенко и с подобающей торжественностью подали заявление о фальсификации. Познавший дзен оперативный дежурный выдал нам искомый талон, и мы вышли в душный питерский вечер.

Ловля призрака на живца

Наутро я сидел в офисе, закинув ноги на стол, и изображал на лице глубокие раздумья. На столе лежали вчерашние письма и неразобранные документы, а я печально созерцал узоры на потолке и понимал, что скорее всего надо что-то

придумать, но свежих идей не было.

Накануне мною было изучено множество страниц в сети – искал намеков на существование этого третейского суда и его председателя. Сайты выдавали много полезной информации, но ничего не давали по моему делу. На сайте арбитражного суда, в разделе «третейские суды», не было ничего похожего. Не было следов на сайте Ассоциации третейских судов Санкт-Петербурга, не было его в списках Союза содействия третейскому разбирательству, даже на сайте Движения «За третейскую реформу» не было никакого намека на этот суд. Я листал страницы и поражаюсь обилию и разнообразию этих судов, а еще больше – регалиям и величию третейских судей. Но нужный мне суд не находился. Я окончательно убедился, что он призрачный – «креатура» моего жуликоватого псевдодворянина. Надо было изгнать из Города этот призрак, но я не понимал пока как.

Про призрачный суд в сети не было ничего, а вот про юриста, который загнал меня в юридический тупик, я нашел много интересного. Не будучи адвокатом, он руководил компанией с названием «Адвокатская контора», был ИПшником, писал трогательные посты про добросовестность в судебном процессе на закон.ру. Его ругали и хвалили одинаково много. Мне такое знание не давало ничего.

– Я – тупой, идей нет и надо чем-то платить за аренду, – сообщил я Зарине, когда та пришла на работу.

Зарина рассмеялась и явно хотела сказать что-то язви-

тельное, но милосердно прикусила язык.

Посмотрев на горку неразобранных писем, она вздохнула и начала вскрывать конверты. Приглашения и коммерческие предложения всех мастей летели в корзину, повестки и определения судов подшивались в папки, отзывы и возражения аккуратно складывались на мой стол. Я безучастно наблюдал за этим процессом, попивая кофе. Состояние крайней апатии, которое обязательно наступает за перевозбуждением, не красит никого.

– А где хоть заседание-то будет? – спросила Зарина, с саркастической усмешкой. Она явно имела ввиду призрачный третейский суд.

– В Державинском переулке.

– Это где же такой?

– Недалеко от Техноложки: минут 10 пешком, на углу с Военмехом.

Зарина похлопала глазами, потом, видимо, у нее наступило топонимическое прозрение, и она понятливо кивнула.

– Так прогулялись бы, чем в потолок плевать, – сказала она и продолжила разбирать почту.

От меня все равно не было никакой пользы, поэтому я накинул пиджак и через каких-то полчаса уже фланировал по Державинскому переулку.

В доме 5, где якобы обитал призрачный суд, ожидаемо разместился бизнес-центр с миллионом контор. На крыльце курил мордатый охранник в черной униформе. Я кивнул ему

и прошел вовнутрь.

Прогулявшись по холлу, я подошел к милой девушке на стойке ресепшена. Объяснил ей цель своего визита. Девушка похлопала глазками, сморщила миленький носик и сообщила, что никаких судов в здании нет, а ближайший суд – это Ленинский районный и он на 9-й Красноармейской. Я попросил дать мне список арендаторов или письмо, что такого учреждения в здании нет. Девушка печально покачала головой, давая понять, что прошу слишком много.

Напротив стойки ресепшена висел стенд с названиями контор, обитающих в этом прекрасном здании. Фотография стенда мало что дала бы мне в суде, но надо было сделать хоть что-нибудь.

Когда я уже навел объектив на стенд, обзор на него был перекрыт широкой грудью мордатого охранника. Он не вовремя закончил перекур и явно собирался в кои-то веки исполнить свои служебные обязанности: пресечь нарушение порядка, защитить хозяйское добро, поймать коммерческого шпиона и спасти свой внутренний мир от невыносимой скуки бытия.

– Фотосъемка запрещена! – рявкнул охранник, бросаясь грудью на защиту коммерческой тайны. Я заозирался в поисках таблички с уведомлением о запрете съемки и вежливо поинтересовался:

– Из чего я могу сделать такой вывод, уважаемый?

Но мой вежливый тон вызвал обратную реакцию.

– А ты глаза разуй! Тут частная собственность, закрытая территория, режимный объект, пропускная система, а значит фотосъемка без разрешения – запрещена!

Я кратко обрисовал ситуацию, поясняя, что список арендаторов мне нужен исключительно в целях защиты закона и справедливости. Сообщил охраннику, что в здании обитает призрачный третейский суд и это грозит бизнес-центру большими бедами, потому что если суды начнут плодиться, то могут заполнить все пространство.

Подозрительность охранника усиливалась пропорционально развернутости моих аргументов. Мы оба уперлись в невидимый барьер и оба не хотели уступать. Я должен был уйти хоть с каким-то результатом, а он должен был исполнить свою функцию и выставить меня. Охранник было протянул ко мне руку, но я указал ему на камеру наблюдения.

– Вот там будет видно, что я ничего не нарушаю, просто стою, а для вас это будет превышением полномочий, нарушением лицензионных требований и скорее всего расторжением договора между охранной компанией и собственниками здания, оно вам надо?

– А ты меня не пугай, пуганые, – не смущался охранник, но руки убрал за спину, напирая на меня и подталкивая к выходу. Я сделал маневр и оказался рядом с ресепшеном. Положил руку на стойку, готовый в любой момент схватиться за столешницу. Милая девушка с удовольствием наблюдала за сценой, разгонявшей ее ежедневную тоску от однообраз-

ной работы.

– Покиньте помещение, молодой человек! – требовал охранник.

– Поймите, мы можем пойти другим путем: я вас ударю по лицу, вы меня дубинкой, я упаду на пол и, истекая кровью, позвоню в полицию с криками, что напали на адвоката. Полиция приедет, сделает осмотр места происшествия, и я все равно получу фотографии стенда! А потом в новостях расскажут, что в Державинском переулке, в доме 5, произошло...

– У нас дом 5а, – радостно пискнула девушка. – Дом 5 ближе к 1-й Красноармейской, «заброшка», сеткой зеленой затянутая.

Радость наполнила мое существо живительной силой. Если бы я писал сценарий фильма, то написал, что главный герой одним махом перепрыгнул через стойку, схватил девушку в охапку и закружил по холлу в ритме вальса. Но увы, это не фильм, а реальная жизнь. В реальной жизни я пролепетал спасибо, пролетел мимо ошарашенного охранника, который почему-то начал в след кричать мне «стой!», и в три гигантских прыжка оказался у заброшенного здания. Зеленая сетка мирно колыхалась на ветру. Здание отдавало классическими ароматами «заброшки». Двери и окна были заколочены, а ворота в арке были не просто закрыты на замок, а еще заварены по периметру.

«Вот оно место, где точно могут обитать призраки, в том

числе призраки третейского суда», – подумалось мне.

Изгнание призрака

Дальнейшее было просто. Я сверился по навигатору, что это именно тот адрес, который указан в Определении призрачного третейского суда, потом не торопясь вызвонил Лешу и еще пару приятелей, обитавших неподалеку. Пока они ехали, купил в ближайшем книжном пачку бумаги и сделал несколько впечатляющих фотографий на смартфон. Особенно мне понравилась фотография фасада с неведомо как сохранившейся табличкой. Название улицы на ней не читалось, но цифра 5 угадывалась однозначно.

Леша был крайне недоволен тем, что его сдернули с важного дела (он сидел в «Тамтаме» и читал книгу из серии ЖЗЛ – кажется, про Юлия Цезаря). «Я вполне мог бы подписать дистанционно, да и вообще мог бы за меня расписаться», – бубнил он. «Леша, но тебя же могут вызвать в суд свидетелем», – увещевал я. «Чистоплюйство какое-то», – возмущался тот, но покорно следовал за спешно собранной комиссией и делал язвительные «замечания на протокол». Ему бы только язвить.

За полчаса мы справились с задачей и направились в ближайшую пивную отмечать столь радостное событие. Не каждый день в Питере находят настоящий дом с привидениями. Утром с гудящей головой я появился на пороге офиса.

– Экстравагантно, – отметила мой помятый вид Зарина.

Я плюхнулся в кресло и, морщась от головной боли, стал писать правовую позицию по поводу призрачного суда. К обеду меня отпустило, поэтому появилась возможность спокойно заняться другими делами.

В день заседания я тщательно выбрился, выгладил до хруста белую рубашку, начистил ботинки до зеркального блеска. Стрелки на брюках могли соперничать по остроте с опасной бритвой.

– Важный процесс? – поинтересовалась супруга. За годы брака она поняла, что по комбинации пиджак-галстук, можно угадать и подведомственность, и подсудность дела, с которым я иду в суд. – Судя по тщательности, с которой одеваешься, ты отправляешься как минимум в Конституционный суд. Ну, или у тебя свидание?

– Иду изгонять призрака из арбитражного суда, – пояснил я. Лена знала про мою битву с этим привидением и, пожелав мне удачи поцелуем в щеку, убежала заниматься своей диссертацией.

На заседании нужно было решить две задачи: мне очень хотелось добиться от судьи хоть какой-нибудь эмоции и попутно раскатать своего хитрого оппонента. Взгляд судьи меня больше не морозил, я был легок и активен.

На судейский стол легли заявление в полицию и талон-уведомление, фотографии заброшенного здания в Державинском переулке, оформленные фототаблицей (не зря у

меня была пятерка по криминалистике), акт, состряпанный нашей хмельной комиссией. На акте явно угадывался отпечаток пивной кружки, а уголок был почему-то масляный, но выглядел документ очень достоверно. Легла на стол и распечатка с сайта арбитражного суда Санкт-Петербурга, на котором не было сведений о невидимом третейском суде. Рассказ о попытке найти суд в «заброшке» вызвал трепетание ресниц у Сфинкса и сдавленное хрюканье за столом секретаря. Судья скосила глаза на пачку бумаг на столе и движением бровей дала понять, что документы можно забрать обратно. По ее лицу скользнула тень улыбки. Улыбка Сфинкса. Что-то она предвещает тебе, Призрак? Первая задача была выполнена.

Когда рассказ о поисках призрачного суда был завершен, хлыщ засуетился. Он просил отложить заседание, объявить перерыв, просто пытался отпроситься в туалет, но судья невозмутимо и молча взирала на него своими прекрасными глазами.

Подняв правую бровь, она дала понять, что процесс продолжается. Мы препирались недолго. С юридической точки зрения дело было наипростейшим. «На внимательность», как говорит моя супруга. Судья взыскала все до копейки, почти не урезав расходы на представителя. В итоговом решении про третейский суд ни слова сказано не было. Сфинкс-судья прихлопнула Призрак третейского суда своей каменной дланью.

– И в чем фокус? – спросил меня Леша, когда мы засели в «Тамтаме» и пригубили немного, отмечая изгнание привидения из стен арбитражного суда.

– В знании географии родного Города, – ответил я, любясь янтарной жидкостью в пузатом бокале. – «Заброшка» – это действительно дом 5, только не по Державинскому переулку, а по улице 1-я Красноармейская.

– Хорошая фишка, надо запомнить, – заржал Леша и спросил. – Еще по одной?

– Нет, – скрепя сердце отказался я. – Мне еще работать. Тут один покойник квартиру после смерти смог кому-то подарить.

– Бывает, – философски заметил Леша. – Ну а мне в копи-центр: надо кое-что распечатать к завтрашнему заседанию, – заговорщицки подмигнул он.

Я тогда не знал, что в тот день меня ждет невероятная история про крайне беспокойного покойника, а Леша весело двинется на встречу колоссальным неприятностям.

Беспокойный покойник

Пролог

Николай Васильевич возвращался из аптеки, когда защемило левое подреберье. Он с трудом вошел в парадную, посмотрел на лестницу, но понял, что сил, чтобы подняться на четвертый этаж, не осталось. С трудом дождавшись лифта, пожилой человек добрался до своей двери, дрожащими руками достал ключ, повернул его и открыл дверь. Воздуха не хватало. На кухне стоял заготовленный стакан с водой, в кармане пальто лежала спасительная таблетка. В квартире были открыты окна, и дышать стало немного легче.

Николай Васильевич закрыл дверь, не тратя времени на запираание замка, снял пальто и уже повернулся, чтобы его повесить, но голова закружилась, ноги стали ватными, приходящая стала расплываться, и он мягко осел на пол. Некогда крепкие мышцы мастера спорта по теннису обмякли, и пожилой человек упал, зажав в руке блистер с таблетками в последнем судорожном сжатии мышц. Потолок закружился перед слабеющим взором, раскрылся ярким светлым пятном, и Николай Васильевич, снова сильный и молодой, спокойный

и даже торжественный, потянулся к свету. Последняя мысль, которая промелькнула в затухающем сознании, была: «Хорошо, что с утра побрился». Потом он умер.

Николай Васильевич лежал в своей квартире несколько месяцев и не видел, как дверь в квартиру открылась, и незримая тень проскользнула вовнутрь. Она старательно обошла покойника, подошла к старому советскую мебельному гарнитуру. Подойдя к гарнитуру, прищелец отразился в лакированных дверцах и оказался невзрачным человеком неопределённого возраста в темной матерчатой куртке и вязаной шапке, надетой по самые брови. Он уверенно открыл ящик комода и достал оттуда папку с документами. Спрятав внутрь куртки паспорт и документы на квартиру, неизвестный так же легко и бесшумно скользнул к входной двери, пошелестел по лестнице и, никем не замеченный, вышел во двор панельной многоэтажки на окраине Санкт-Петербурга. Достав из недр одежды мобильный телефон, незнакомец набрал по памяти номер и прошелестел в трубку: «Есть тема, надо перетереть». Потом он скользнул к стене дома и растворился в сумраке осеннего питерского вечера.

Вход в дело

Я вернулся из суда в прекрасном расположении духа. Выпитые в «Тамтаме» 50 грамм коньяка грели душу, приятно

перекатываясь внутри. До назначенной встречи оставалось еще полчаса, и я твердой рукой налил себе и Зарине опять по 50 победных грамм отличного напитка, потом еще по 50 грамм и уже собирался разлить по третьей, когда в дверь офиса постучали. Посетители добрались до нас на 20 минут раньше запланированного. Отработанным жестом фужеры, лимон и коньяк отправились в стол. На пороге стояла дама, встревоженно наблюдавшая за манипуляциями с фужерами и бутылкой. Рядом с ней стоял мужчина, который завистливо сглотнул, проследив за траекторией коньяка.

Я пригласил ее, а также ее мужа, за стол. Когда они рассказали мне свою историю, хмель выветрился из головы.

Дядя моей собеседницы вел замкнутый образ жизни. Похоронив много лет назад свою супругу, он собирался оставить завещание на НН – свою племянницу (так мы будем называть мою доверительницу). С родственниками из других городов он почти никогда не общался лично: только по телефону и открытками по праздникам. Иногда дядя созванивался с племянницей, но перестал выходить с ней на связь после прошедшего в этом году Рождества, с которым они обязательно поздравляли друг друга (традиционный созвон был на Новый год, Рождество и День победы). Праздник 8 марта дядя не признавал и никогда не поздравлял с ним ни свою покойную жену, ни НН и никого из немногочисленных знакомых. Учитывая замкнутый характер дяди, НН не очень беспокоилась. Но телефон упорно не отвечал и в майские

праздники.

При первой возможности НН приехала из Москвы в Санкт-Петербург. В дядину квартиру попасть не удалось – она была опечатана, – своих ключей от его квартиры у нее не было, да и как можно срывать полицейскую печать?

Соседи рассказали, что дядю нашли неделю назад в прихожей. Точнее сказать, нашли мумию дяди – лежал он явно давно.

Председатель ТСЖ и соседка, которые присутствовали при вскрытии квартиры, сильно сконфуженные появлением НН, отдали документы, найденные при осмотре помещения. Передали все, кроме паспорта и документов на квартиру. Якобы этих документов там не было. Когда моя собеседница позвонила участковому, чтобы вскрыть квартиру, он пригласил ее в опорный пункт и показал ей плохую копию документа – свидетельства о праве собственности на квартиру, из которого следовало, что дядя еще в 2013 году (то есть за год до описываемых событий) подписал договор на свое единственное жилье с гражданином Украины, проживающим в Луганской области. В апреле сделка по дарению была зарегистрирована в Росреестре.

События, которые я описываю, происходили в конце 2014 года. В Киеве отгремел Майдан, и восторженная толпа сметала остатки коррупционного режима Януковича. По Украине гуляла революция, и только Крым и Донбасс не поддались общему безумию и выбрали свой путь. Крым торжественно

приплыл в родную гавань, а Донбасс из цветущего промышленного края превратился в территорию без права и закона. Украина стягивала войска, пытаясь силой вернуть Луганск и Донецк в свои прежние границы, города огрызались, и скоро там заварилась страшная кровавая карусель. Мутные воды Донбасса той поры надежно прятали от взоров правоохранителей тех, кто не стремился к личному общению с сотрудниками правопорядка как в России, так и на Украине.

Кто и как пересекал границу между Россией и Новороссией объективно сказать не мог никто. Очевидно, что кандидатура нового собственника была выбрана с учетом места его постоянной регистрации.

Предпринятые меры

НН женщина очень энергичная и привыкла решать вопросы здесь и сейчас. Она поняла, что неожиданно вляпалась в какую-то очень нехорошую историю. Через третьи руки найдя телефон питерского юриста, она поехала разбираться в ситуации. Этим питерским юристом случайно оказался я.

Подобные ситуации в крупных городах не редкость. Скорее всего дело было так. Квартира, из которой давно никто не выходил, привлекла внимание злоумышленников или кто-то «навел» их на одинокого старика Николая Васильевича. Они «пробили по своим каналам», предположили, что родственников нет. Очевидно, что кто-то проник туда, перешагнув через труп в прихожей, завладел документами – и правонарушители оформили квартиру на человека, недося-

гаемого для нашей правоохранительной системы. Когда все было готово, появилась полиция и оформила труп. Все чисто, и копать никто не будет. Кому интересен одинокий старик? Государство никогда не узнает о выморочном имуществе, а его родственники скорее всего сидят с ним на одном облаке и даже не смотрят на нашу грешную землю.

Если бы НН появилась на пару месяцев позже, то скорее всего она бы нашла в квартире новых собственников, добросовестных приобретателей, которые купили ее по цене ниже рыночной, и пребывали бы в заблуждении, что им очень повезло.

Мы это понимали, но это догадки, а догадки мало интересуют суды и полицию. Там с нас потребуют доказательств очевидных вещей. Очевидно, что сам покойный не смог бы подать документы на регистрацию сделки, но это очевидно для нас, скромных обывателей, а государственным структурам требуются доказательства.

Действовать надо было быстро – успеть наложить арест на квартиру до того, как таинственный парень из Луганска продаст или подарит квартиру «добросовестному приобретателю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.